

ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ И ДОЛЖНАЯ МОРАЛЬ

Одно из отличий настоящего от прошлого состоит в различии общественного статуса явного и скрытого в поведении человека и социальных групп. В прошлом общественное мнение и законодательство не поощряли и не позволяли скрытому и ненормативному быть общепризнанным и узаконенным. Сейчас европейская цивилизация провозгласила право на отличие, индивидуальность в поведении социальных групп и индивидов. Это право предписывает равноценность всех видов поведения, в том числе и альтернативных друг другу.

Среди видов поведения есть антигуманные и угрожающие человеческому существованию, которые в прошлом, как правило, скрывались из-за непризнанности и непозволительности. Став открытыми, они вызывают беспокойство общественного мнения и законодателей. В результате появляются оговорки и правовые ограничения. Однако ящик Пандоры раскрыт, и оговорки общественного мнения наряду с правовыми ограничениями приобретают индивидуальность определений и толкований.

В зависимости от соотношения сил внутри общества и на международной арене индивидуальность определений и толкований позволяет придать нормативность любым (в том числе антигуманным) интересам сильных, господствующих социальных групп. Ситуативность жизни, со своей стороны, оправдывает смену определений и толкований, что ведет к изменчивости норм поведения (в частности, к двойным стандартам). Налицо многообразие допустимых норм поведения, в том числе взаимоисключающих. К тому же всепроникающий плюрализм возможностей познавательной и практической деятельности ведет к многообразию явных и скрытых норм поведения.

Реальная жизнь всегда является процессом, в котором одни стороны противоречий, т.е. противоположности, оказываются ведущими, другие – ведомыми. По роли в процессе жизни противоположности не равноценны. Это касается противоположностей настоящего и унаследованных из прошлого. Отвлечение от реальной жизни создает видимость равноценности таких противоположностей. Наряду с этим примеры успехов в деятельности на основе альтернативных установок и норм, а также отвлечение от последствий деятельности оправдывают равноценность норм и видов деятельности. В этом с оттенком иронии смысле состоит суть общества равных возможностей.

Реальная жизнь, в конечном счете, обуславливает все нормы поведения. Но в отличие от стихийных процессов в природе она осуществляется деятельностью людей, наделенных сознанием. Сознание относительно самостоятельно по отношению к условиям деятельности и способно отвлекаться от них (от существующих знаний о них), отставать от них или

опережать их. В то же время с момента своего появления оно всегда предваряет любую деятельность человека.

Предваряя деятельность, сознание руководствуется субъективными устремлениями и объективными возможностями, открываемыми познанием природы и общества. Когда интересы экономически господствующих социальных групп отражаются единообразием идей и норм поведения, тогда необходимый для деятельности выбор сознательных установок лишен альтернатив многообразия и результат деятельности отражается сознанием, расширяющим и углубляющим единообразие общепризнанного и дозволенного. При этом не важен состав единообразия: задан ли он истинными, ложными или смешанными знаниями. В то же время единообразие избавляет от трудностей выбора и обобщения норм поведения до уровня общечеловеческих.

Иное дело, когда интересы экономически господствующих социальных групп отражаются многообразием идей и норм поведения, возникшим по объективным и субъективным причинам. Превращение науки в непосредственную производительную силу общества создало объективные возможности расширения как индивидуального владения средствами производства, так и коллективного совладения ими. Субъективное стремление экономически господствующих социальных групп оградить собственность от посягательств на нее достигает цели средствами информационных технологий, психологии, генетики и других наук. С их помощью создается многообразие альтернатив, по видимости равноценных тем, которые посягают на частное владение средствами производства. В экономике крупный капитал защищается рекомендацией развивать средний и мелкий бизнес, возможности которого заведомо не равны возможностям крупного капитала, в особенности в создании конкурентного и наукоемкого производства. Средний и мелкий бизнес, в свою очередь, рекомендует наемным трудящимся компенсировать отсутствие капитала традиционными альтернативами: изобретательностью, бережливостью в честном труде, взятием кредита под прибыльное дело, испытанием удачи в азартных играх и т.д. Эти альтернативы дополняются недозволенными альтернативами: юридическими махинациями, воровством, взяточничеством, рэйдерством и революционной национализацией. Тем не менее, несмотря на различие дозволенного и недозволенного капитал в целом не так чист по происхождению, как преподносят его владельцы. Реальная жизнь постоянно демонстрирует оправданность средств деятельности ее целями. Изобретение средств наживы опережает их моральную и правовую квалификацию. Часть из них оказывается неопределенной или спорной в квалификации, часть их, получив статус недозволенных, не осуждается отрицанием обратной силы принятых законов или прощается за давностью времени их применения. Такое положение дел существует несмотря на правовую квалификацию чистых и грязных доходов.

В той или иной степени многообразие альтернатив присутствует, помимо экономики, во всех других областях общественной и индивидуальной деятельности. По прагматическому критерию оправданности успехом применения многие взаимоисключающие альтернативы оказываются

равноценными, относительными, ситуативными. Но до всяких оценок несовместимые альтернативы существуют, являются социальной действительностью. И каждый индивид является носителем несовместимых, но взаимодополняющих свойств. Если таковы индивиды, то не ясно, как возможна совместная деятельность, общественный труд. История дала ответ на этот вопрос: путем признания и поощрения одних свойств и отвержения или ограничения других свойств индивидов.

Европейская цивилизация, провозгласив индивидуализм и плюрализм в общественной жизни, допустила сосуществование несовместимых альтернатив и отвергла исторический опыт ограничений и запретов как недемократический. Множество ограничений и запретов пало под давлением успехов в экономике, науке и просвещении. Но возникли или воскресли из прошлого несовместимые альтернативы, такие как: бережливое и хищническое использование окружающей среды, повышение прибыльности и умышленное банкротство предприятий, общественная и частная собственность на природные места отдыха, технократизм и гуманизм, научное и антинаучное, изысканное и мещанское, публичное и личное и пр. И все альтернативы подлежат моральной оценке.

Известно, что моральная оценка, или проще, мораль может носить индивидуальный и общественный характер. Индивиды в силу своего различия могут менять мораль в зависимости от своих склонностей и обстоятельств. Однако общественная природа индивида вынуждает его считаться с общественным мнением, различающим приемлемое и не приемлемое. При этом если общественная мораль ситуативна, то она не отличима от индивидуальной морали (фактически отсутствует). Если же она квалифицирует ситуации путем деления их на допустимые и не допустимые для общества, в то время как экономика, политика, искусство, наука и другие области общественной жизни игнорируют запреты морали, то чтобы оставаться общественной, мораль вынуждена ослаблять критерии различия допустимого и не допустимого либо объявлять неморальными вовсе неподвластные ей области общественной жизни. Таким способом мораль приспособляется к несовместимостям. Общественная мораль терпит ориентировку производства не на потребности, а на платежеспособный спрос, возведение лжи в ранг государственной политики, подмену человеческого животным, возвышенного низменным и т.д.

Терпимость и приспособленчество морали – от ее бессилия, а бессилие – от неспособности выйти за несовместимости и выразить суть индивидуального и общественного, диктующую общезначимые моральные нормы.

Нельзя сказать, что опыт и познание общественной жизни не открывают ее глубоких истин. Но поверхностно, эклектически истолковываемый плюрализм и неразборчивая толерантность к несовместимостям обесценивают глубину истин, поскольку ради плюрализма их помещают в один ряд с поверхностными и односторонними истинами, заблуждениями и ложью. Мораль, отражающая глубокие истины научного и философского познания, оказывается рядоположенной с другими видами морали, отражающими плюрализм данных опыта и вненаучного познания. Несовместимость научного

и ненаучного познания ведет к несовместимости моральных норм, опирающихся на результаты того и другого познания. Найти общее в несовместимостях, сохраняющее их равноценность, не удастся, так как познание всегда выявляет неравноценность несовместимостей. Сохранение равноценности несовместимостей игнорирует результаты научного познания и лишает возможности обобщений, сортирующих несовместимости. Не опираясь на обобщения познания, мораль теряет обобщенность. Общественная мораль оказывается лишь именем совокупности видов морали социальных групп и индивидов. Упраздняется нормативность морали и закреплённость ее в общественном мнении. Теряя всеобщность, мораль растворяется в индивидуализме. Все другие формы общественного сознания оказываются вне морали, поскольку индивидуалистическая мораль не в состоянии предложить общезначимые нормы для всех видов общественной деятельности.

Казалось бы, неморальность и аморальность общества индивидуалистов должна преодолеваться религиозной моралью. Но налицо плюрализм религий.

Нельзя не замечать того, что сейчас средством возведения индивидуальной морали в ранг общественной служат референдумы и статистика. Как в свое время Б. Спиноза безуспешно пытался вывести все нормы морали из аксиом морали, так сейчас пытаются выводить общие нормы морали из их встречаемости в массе индивидуальных норм, из определения их вероятности. Вероятностный характер приобретают предписания общественной морали и охраняющего их общественного мнения. Вопрос лишь в достаточности вероятностных предписаний для деятельности индивида.

В природе элемент не выбирает виды поведения из равновероятных, а подчиняется вероятностному поведению, обладая им изначально. В обществе, провозгласившем приоритет индивидуализма, индивид выглядит подчиняющимся вероятности, выявляемой статистикой. Однако индивиды не оглядываются на статистику и ориентируются на индивидуальные возможности, не обязательно попавшие в поле зрения статистики.

В такой ситуации общественное сознание, руководствующееся статистикой, может изменять и изменяет условия существования индивидов и через них – вероятность их поведения. Но условия существования, в отличие от природы, создаются самими индивидами и из-за вероятности их поведения оказываются вероятными и не обязательно теми, которые требуются для изменения или устранения неприемлемой для общества статистики. Отсюда видимость неустранимости пороков в обществе, рассуждения о неизменной природе человека и невозможности социального прогресса.

Изложенная ситуация с моралью в современном европейском обществе является следствием пассивной роли морали, оценивающей, но не предписывающей виды общественной деятельности путем выделения должного в возможном. Чтобы придать морали активный и обязывающий характер, надо исследовать возможности формулировки должного в ней, призванного противостоять стихии индивидуализма.

Противопоставление индивидуализма и коллективизма, столь превозносимое сейчас, поверхностно и ложно. Поверхностно оно потому, что

сосредоточено на внешних, несущественных различиях между людьми и не замечает существенного сходства между ними, обусловленного особенностями каждой эпохи, в том числе современной. Ложно оно потому, что преднамеренно подменяет существенное несущественным. Общность объективных условий существования порождает существенное сходство индивидов. Если условия существования разнородны, то они порождают разнородные социальные группы, принадлежность к которым придает индивидам существенное сходство между собой. Сочувствие или служение другим социальным группам придает сходство с индивидами других социальных групп. Сходные черты задают типы индивидов. Различные исторические эпохи создают различные исторические типы индивидов.

Приоритет типичного указывает на приоритет коллективного в индивиде независимо от того, что мнит о себе индивид. Коллективизм существен и не устраним, как не устранимо общество из жизни индивида. Существенны сходства и различия индивидов по принадлежности к различным социальным группам. Несущественны различия между индивидами внутри социальных групп. Различия между индивидами различных социальных групп могут быть резкими, контрастными. Однако существенность и необходимость их обусловлена не столько индивидуальными склонностями, сколько принадлежностью к социальным группам.

Одним из признаков, по которым различаются социальные группы и вместе с ними индивиды, является признанная ими моральная основа деятельности. В разнородном обществе разнородна мораль. Мораль различна в хижинах и дворцах – отмечает обыденное сознание, мораль классовая в классовом обществе – утверждает марксизм, мораль индивидуальна и толерантна – неустанно повторяет современная идеология. Обыденное сознание и марксизм правы по существу, современная идеология – по форме, по очевидности; и все эти суждения выражают различия в морали.

Однако мораль как форма общественного сознания призвана служить взаимосвязям индивидов и социальных групп, сохраняющим и развивающим общество. Значит, суждениям морали скрыто или явно присущи не только различия, но и сходства между видами морали. Сходства, обобщенные до уровня отражения интересов человечества, служат единению человечества. И если человечество всю свою историю пребывает в разрозненности, то единению человечества может служить не мораль действительного, обусловленная разрозненностью, а мораль должного, обязывающая к использованию возможностей единения, существующих или подлежащих открытию.

Должное морали обычно считается средством сохранения достигнутого, в особенности, преимущественного, выгодного, которое в истории человечества было и остается частичным, групповым, а не всеобщим. Придерживаясь такого должного, человечество не только не ослабило, но усилило внутренние и внешние противоречия общественной жизни и постоянно демонстрирует неспособность преодолевать их. Человечество оказалось перед угрозой

самоуничтожения. Необходимо иное понимание должного, начало которому положили философы русского космизма.

Русский космизм в варианте Н. Ф. Федорова определял должное как идею, безусловно объединяющую человечество. Одной из них могла служить идея исполнения долга перед ушедшими поколениями (воздания добром за их добро) путем воскрешения предков и достижения бессмертия на основе преобразования природы и человеческого организма. К. Э. Циолковский считал объединяющей человечество идею космического расселения людей с помощью достижений космонавтики. В. И. Вернадский считал необходимым для человечества создание разумной сферы своего обитания.

Всем идеям русского космизма свойственно выражение призванности человека служить человечеству. Русский космизм возник в эпоху господства идеи и практики классовой борьбы за всемирное освобождение трудящихся от эксплуатации. Поэтому его идеи были восприняты как несбыточные и отвлекающие от насущных проблем человечества. После поражения социализма в борьбе за более производительную, чем при капитализме, экономику возник вялый интерес к идее создания ноосферы, но на практике не удалось даже обязать все страны исполнять киотский протокол об ограничении промышленных выбросов в атмосферу.

Господство противостояний, насилия и войн вместе с безоглядным извлечением природных богатств несут угрозу существованию человечества, не давая места какой-либо идее общечеловеческого должного. Тем не менее, осознание судеб человечества обязывает индивидов и социальные группы к ответственности перед человечеством, выраженной в должном морали. Должное в морали касается всех сторон жизни человека и предопределяет смысл гуманизма – служение человечеству, а не индивиду или социальной группе. Индивидуальный или групповой интерес достойны признания лишь постольку, поскольку они соответствуют интересам человечества. Должное в морали превращает мораль в универсальное средство установления приемлемости или неприемлемости поведения человека в любой области действительности и не допускает областей поведения вне морали (вопреки распространенным мнениям о независимости от морали политики, права, искусства и др.). С этой общей позиции выявляется должное морали в отдельных областях материальной и духовной жизни людей, начиная с экономики.

Экономика кажется независимой от морали, так как предназначена для удовлетворения материальных потребностей людей, без которого невозможно их существование. Можно оправдать любые потребности стремлением к всестороннему развитию человека. Однако требует определения «всестороннее развитие человека». Очевидно, всестороннее развитие человека предполагает разносторонние потребности. Вопрос лишь в том, все ли они достойны удовлетворения. Ведь среди них могут быть потребности, вызванные капризом, прихотью, низменными побуждениями и т.п. Экономика не сортирует их, а лишь соразмеряет со своими возможностями. Оценка потребностей с позиции сущности и призванности человека дается моралью, опирающейся на

всестороннее познание человека. Сущность человека указывает на его выделенность из природы и призвание человека состоит в сохранении и развитии выделенности из природы. Выделенность человека из природы обеспечивается общественными формами деятельности, удовлетворяющими и создающими общественные потребности. Они отражаются общественной моралью с определениями должного для каждого индивида.

Провозглашение индивидуальности морали означает отрицание общезначимых моральных норм, позволяющих давать моральную оценку потребностей человека и различать в них необходимость и прихоть, скромность и бесстыдство, сострадание и черствость, благородство и низость и т. д. Без таких различий всесторонне развитые индивиды ввергнут общество в состояние «войны всех против всех». Чтобы избежать такой перспективы, надо признать моральную квалификацию потребностей человека и экономики. Так как экономика включает людей с их взаимоотношениями, в ней также уместны моральные определения поведения людей.

Должная мораль в экономике выражается требованиями полезности, открытости и честности экономики. Она осуждает вредную, теневую и жульническую экономику. Внутри любого предприятия должная мораль создает здоровую моральную атмосферу производства. Моральное разложение производителей губит экономику.

Если политика вне морали, то она становится конъюнктурной, недалекновидной и непредсказуемой. От этого не избавляют ее ни прагматичность, ни установка на групповые и национальные интересы. Избавление приходит от ориентировки политики на общие интересы людей, одобренные моралью. В своем влиянии на экономику политика не должна ограничиваться созданием условий для экономики; она должна ориентировать экономику на межгрупповое и межнациональное сотрудничество, поднимающее благосостояние всех людей. Для этого политика должна быть моральной – открытой, честной и благородной.

Право в отличие от политики касается каждого индивида и связывает его с обществом по правилам, общезначимо выраженным и поддерживаемым силой. Мораль тоже связывает индивида с обществом образцами поведения, нравами и традициями, охраняемыми общественным мнением и далеко не полно отраженными в нормах права. Поведение индивида ситуативное и разнообразнее образцового в морали и законопослушное в праве. Образцы морали должны поспевать за реальностями индивида, а нормы права – за образцами морали. Язык права формализует представления морали о чести, достоинстве, значимости вклада в ту или иную область общественной деятельности, общественном и индивидуальном долге. Государственное и международное право отражают также запретное, осуждаемое в морали. В то же время увлечение спецификой политики и права без оглядки на мораль часто ведет к противоречиям с должным в морали. И напротив, руководствуясь морально должным в политической и правовой деятельности часто создаются новые образцы должного в морали (подвиги, самопожертвование, служение долгу).

Весьма заметна взаимосвязь морали, искусства и науки. Когда искусство раскрывает гармонию, радость, силу духа, величие подвига, оно облагораживает человека, служит добру, углубляет и разнообразит близость и притягательность людей. Образно воспроизводя сущность человека, искусство раскрывает возможности человека, которые составляют предмет должного в морали – превращать их в действительность.

Содержание науки находится вне морали, если мораль не является предметом науки. Однако достижения науки изменяют всю материальную и духовную жизнь общества, в том числе мораль. Они способны переводить некоторые запреты морали в разряд предрассудков, а ее разрешения – в разряд вредных для людей. Научные исследования самой морали вскрывают ее объективное и субъективное содержание, а также исторические формы морали. Ученные, как и представители других областей человеческой деятельности, демонстрируют образцы морально должного и недолжного. Познание наукой эволюции общества и природы выявляет возможности и опасности будущего человечества и тем самым в наибольшей степени влияет на должное в морали. В то же время существующее должное в морали ограничивает предмет научного исследования и области применения достижений науки.

Каждая религия содержит свою мораль, которая выражает представления о должном и недолжном для народа, создавшего религию. Верующие сопротивляются попыткам изменения норм религиозной морали, но не в состоянии приводить объективные аргументы за их сохранении, даже будучи иногда правыми по существу, поскольку игнорируют научные достижения и развивающийся здравый смысл.

Всякая философия, включающая онтологию, содержит учение о морали. В отличие от религий не все философские учения игнорируют достижения науки и развивающийся здравый смысл. Материализм, в особенности исторический материализм, обобщает здравый смысл и научные достижения, дает убедительную картину объективно обусловленной эволюции морали, должного и недолжного в ней. Из материалистической картины видно, что объективное содержание морали определяется общественной, социально-экономической сущностью человека.

Общественная сущность человека выражает выделенность человека из природы. Поддержка выделенности из природы обязывает человека к поддержке всех элементов и их взаимоотношений, необходимых для нее. Поддержке подлежат природа, человек и взаимоотношения между ними в способе производства средств существования. Для морали важно сохранение человеческого в человеке. Сохранение и совершенствование отношений между людьми в изменяющихся условиях жизни с целью предоставления возможности каждому служить интересам человечества является призванием индивида и общества.

Человеческие свойства разнообразны. Мультикультурный и постмодернистский подходы к разнообразию человеческих свойств приписывают равноценность этим свойствам, поскольку каждое из них имеет свое оправдание. Если разнообразие человеческих свойств поставить в

зависимость от общечеловеческих интересов, то обнаружится неравноценность оправданий и оправдываемых свойств. Но в таком случае надо указать общечеловеческие интересы, ближайшие и отдаленные, явные и скрытые.

Ближайшие интересы человечества состоят в предотвращении его гибели от войн, эпидемий, климатических изменений и т. д. Примерами отдаленных интересов человечества могут быть всеобщее благоденствие и бессмертие.

Предотвращение войн может быть достигнуто мировым господством одной державы или всесторонним разоружением. Моральные нормы одного и другого процессов взаимоисключающи. История показала, что мировое господство одной державы никогда не существовало, а самые сильные и обширные империи постоянно воевали и неизбежно распадались и исчезали. Моральные нормы империй существенно противостояли друг другу.

Всемирное разоружение как должное предпочтительнее, поскольку устраняет средства видимой угрозы жизни людей. Однако надо учитывать относительность разоружения: оно касается явных видов оружия и не затрагивает его неявных видов, таких как демографическое, психологическое и т. п. Только мораль должного запрета всех видов оружия избавит человечество от войн.

Борьба с эпидемиями являет собой пример общечеловеческого единства. Но она ограничена экономическими возможностями и политической нестабильностью, сохраняя прерогативу должного.

Угроза существованию человечества от изменения климата признается, но не все считают ее ближайшей. В связи с этим устранение влияния человеческой деятельности на климат сталкивается с экономическим эгоизмом государств. Мораль сторонников приоритета национальных интересов противостоит морали сторонников приоритета общечеловеческих интересов, выраженных в международных соглашениях. Всеобщность морального долженствования по этому поводу исключается экономической, политической и культурной разделенностью человечества.

Если достижение всеобщего благоденствия считать такой же утопией, как и построение коммунизма, то принятие его за общечеловеческий интерес выглядит лишь моральным долженствованием, постоянно отвергаемым экономикой и политикой. К сожалению, отвергнув марксизм, современные исследователи уклоняются от выявления возможностей преодоления экономических и производных от них антагонизмов, заслонившись постулатом вечности антагонизмов.

Противоречивость интересов человечества, связанная с его конкретно историческим состоянием, исключает единственность морального долженствования в нем и квалификации им человеческих свойств. Тем самым вызывается необходимость разрешения противоречий человечества путем вскрытия более глубоких объективных возможностей в нем. При всем нежелании заинтересованных социальных групп изменять суть современной экономики надо считаться с тем, что оставлять ее неизменной значит сохранять экономическое неравенство между социальными группами и государствами, а также обусловленные ими неравенства и разобщенности в других областях

жизни. Если марксов анализ возможностей капиталистической экономики по обеспечению всеобщего благоденствия путем перехода к коммунизму ошибочен, то необходим другой анализ, способный открыть новые возможности в ней для перехода к такому обществу. Отвергать необходимость вскрытия возможностей перехода к обществу экономического равенства значит обрекать людей на постоянную озабоченность решениями экономических проблем, отвлекающую от решения общечеловеческих проблем. Найти и реализовать объективные возможности создания общества экономического равенства – моральный долг в интересах человечества.

В отличие от ситуации с заинтересованностью человечества в обществе экономического равенства, бессмертие считается безусловным и очевидным интересом индивида и человечества. Однако сущность бессмертия не так проста, как кажется на первый взгляд, о чем свидетельствует даже ее религиозное понимание, наиболее полно представленное христианством.

В христианстве бессмертием наделяются души, а не тела людей. И ожидаемое воскрешение изображается не настолько определенно, чтобы усмотреть в нем телесное воскрешение. В религиозной философии В. С. Соловьева была предпринята попытка оправдать стремление человека к телесному бессмертию с помощью теософии (единства теологии, философии и науки). Но уже в философии Н. А. Бердяева это стремление связывается с непониманием представлений христианства о сути бессмертия. По мнению Н. А. Бердяева, обретение бессмертия – это процесс духовного преображения, вытесняющий необходимости материального мира и замещающий их чудесами, венцом которого является конец объективной истории и переход человечества в иное, духовное измерение. В таком измерении человечество обретает бессмертие. Все неотомисты в основу своих суждений также кладут разделенность существующего на несовершенный посюсторонний и совершенный потусторонний миры. Бессмертие и прочие совершенства достижимы только в потустороннем мире.

В суждениях о бессмертии в религии и религиозной философии можно усмотреть попытки соединить обобщения обыденного опыта наблюдения страданий и неизбежности конца жизни с мечтой о жизни, лишенной таких свойств. Религиозные представления отвергают надежды на телесное бессмертие и придают отвержению моральное оправдание как исключаящему равенство грешного безгрешному, зла добру. Моральное должное в религии – терпение к телесным страданиям, добродетельность и готовность к воздаянию в потустороннем мире за дела земные. Общечеловеческое должное в христианской морали выражается в сострадании всем переносящим невзгоды жизни, признании равенства всех перед божественным судом и надежде оказаться в раю. Такое морально должное лишено созидающих начал и чуждо творческой сущности человека. Оно не послужило основой человеческого единства в прошлом и не служит ему сейчас, тем более что в самой религии нет единства.

В отличие от религии, светская мысль в лице науки ищет возможность достичь телесного бессмертия индивида. Если бессмертие должно обеспечиваться

каждому, то пока известны два варианта: замена естественных органов искусственными и выявление предположительного генома старения с последующей заменой его геномом молодости. Для первого варианта проблематичны моделируемость мозга и тождественность индивида комплексу заменивших его моделей. Второй вариант выглядит более обещающим, но содержит, по крайней мере, одно не проверенное допущение – бессмертие генома молодости. На фоне временности любой формы и формы движения материи это допущение ошибочно. Наверное, в лучшем случае можно надеяться на существенное увеличение срока жизни, или, как иногда говорят, на достижение практического бессмертия.

Задача поиска средств достижения бессмертия сформулирована относительно ясно, но не столь ясны следствия попыток ее решения и их моральное оправдание. В данном случае уместно сравнить религиозный и научный подходы к преобразованию биологической природы человека.

Религия осторожно реагирует на изменение человеком своей биологической природы. Она очарована природой как творением бога и осуждает коренное вмешательство в ее процессы, призывая к воздержанию от телесных соблазнов. Она не указывает меру вмешательства человека в процессы природы, без которого невозможно существование человека, но выражает скрытый страх перед последствиями вмешательства, основанного на знании лишь биологической природы человека.

Наука, в отличие от религии, не очарована природой, а познает и преобразует ее. Биология все более полно познает телесные процессы, психология – психические процессы. На их достижениях основана современная медицина с ее диагностикой и вмешательством во внутриутробное развитие, трансплантацией, протезированием, суррогатным материнством, и в будущем – генной модификацией людей. При этом медицина озабочена судьбой индивидов, а не человеческого рода. Однако наука в целом не может уклониться от рассмотрения судьбы человечества.

Если человечество разумно, то оно всюду должно определять меру вмешательства в природу, указывающую границы изменения условий существования того или иного объекта, в данном случае – человека и человечества. Сейчас, например, уже требуется оценка экономических возможностей достижения индивидуального бессмертия. Известно, что чем более наукоемко изделие, тем оно дороже. Достижение бессмертия – самый наукоемкий процесс. Очевидно, экономика не всем обеспечит участие в этом процессе. Отвлечение науки и экономики на этот процесс усугубит положение бедных и выглядит опасным и безнравственным для человечества.

Отвлекаясь от рассмотрения множества проблем, связанных с условиями существования человечества, нельзя не затронуть один из наиболее общих вопросов: равноценны ли индивидуальное и родовое бессмертие, а при неравноценности – что предпочтительнее, родовое или индивидуальное бессмертие? До сих пор история показывала объективную необходимость существования и развития рода человеческого. С этим связан пафос и моральное должностное служение человечеству. В частности, с

каждым новым поколением связывались надежды на улучшение рода человеческого. Каждый возраст играл свою незаменимую роль в жизни общества. Деторождение было не только средством сохранения рода, но и источником возможностей, отсутствовавших у родителей. Сознательное биологическое управление родом индивидам было не доступно.

В процессе достижения индивидуального бессмертия вместе с полной регулируемостью деторождения становятся существенными потери возможностей, связанных с неродившимися индивидами. И дело не в регулируемости самой по себе, которая всегда была (объективной или субъективной), а в сосредоточении внимания на живущих с целью обеспечения их вечного существования.

Вечность жизни индивидов актуально, а не только потенциально требует бесконечности условий ее существования, для обеспечения которых необходимо расширение познания, открывающего возможности выхода за их наличную конечность. Полностью регулируемые конечные условия существования исключают необычности, спонтанности, требуемые для озарений в познании. Человек и его познание становятся монотонными, экстенсивными. Человек не реализует возможность природы к бесконечному качественно разнообразному развитию, не оправдывает свою призванность. И эта призванность человека связана с его смертностью.

В самом деле, конечность средств существования и времени жизни человека обусловили его способности к преодолению препятствий, выбору средств достижения целей, уклонению от опасностей. Настрой на преодоление, избирательность средств и поведения вызываются невозможностью бесконечного ожидания исчезновения препятствий или бесконечного выбора средств их преодоления, а также неравнозначностью видов поведения для безопасности человека. «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача», – говорил И. В. Мичурин. Но творить значит отличать, отбирать, по словам А. Пуанкаре.

Вечный индивид не обязан признавать перечисленные невозможности и возможности вместе с их обобщением – двузначной логикой, из-за чего он теряет творческую способность. Его познание не углубляет, а лишь расширяет познание и не дает средств выхода за пространственно-временную конечность наличных условий существования. Конечность последних обуславливает конечность жизни индивида и рода человеческого, тем более что они единовременны для вечного индивида. Выходит, вечность индивида достигается за счет конечности жизни рода человеческого.

Человечество обязано задуматься, не оказалось ли оно перед выбором: смертный индивид должен обеспечить бессмертие рода человеческого или смертный человеческий род – бессмертие индивида. Из пребывания в первой альтернативе следует моральная норма: индивид должен служить обществу и человечеству, приумножать возможности преодоления препятствий бессмертию рода человеческого. Если в этом состоит призвание человека, то ему должно подчиняться разрешение всех противоречий в обществе.

Изложенное видение ситуации достижения индивидуального бессмертия может быть спорным и ошибочным в той мере, в какой спорно и ошибочно рассматривать бессмертие в понятиях смертного. Но это обстоятельство не избавляет от необходимости такого рассмотрения.

В целом проведенное исследование позволило изобразить контуры сложной диалектики действительного и должного в разностороннем поведении человека.

Гайдук Е. Ю., студентка, ф-т арх.,
науч. рук. – **Яровицкая Н. А.**, канд. филос. наук., доц.,
*Харьковский национальный университет
строительства и архитектуры*

СОЦИОЛОГИЯ РАВЕНСТВА И НЕРАВЕНСТВА

Среди важнейших теоретических проблем социальной философии можно выделить и проблему социальной справедливости, социального равенства. Пока еще нет реальной модели общественного устройства, в которой бы можно было реализовать полное равенство. Люди от рождения не равны по своим способностям – это не их вина или заслуга.

Талант, одаренность – в значительной мере не личное, а общественное достояние, но вместе с тем он имеет право на большее материальное вознаграждение. Весь вопрос в том, как должны вознаграждаться одни, с их «талантами, предприимчивостью, инициативой», и другие, кого природа, общество и, может быть, судьба обделили такими качествами. Понятие социальной справедливости всегда исторически конкретно.

«Неверно, будто равенство – закон природы. Природа не произвела ничего равного. Её высший закон – подчинение и зависимость» – Люк де Вовенарг.

К. Маркс говорил, что интуитивно сознание людей в определении социальной справедливости исходит из реальных возможностей общества. Особенно болезненно оно обостряется, когда неэффективно используются возможности или какая-то группа присваивает больше, чем ей полагается.

С давних времен ученые задумывались над природой отношений между людьми, над тяжелой участью большинства людей, над проблемой угнетенных и угнетателей, над справедливостью или несправедливостью неравенства.

Древнегреческий философ Платон размышлял над расслоением людей на богатых и бедных. Он говорил, что государство представляет собой как бы два государства. Одно составляют бедные, другое – богатые, и все они живут вместе, строя друг другу всяческие козни. В своем труде «Республика» Платон утверждал, что правильное государство можно научно обосновать, а не искать ощупью, страшась, веря и импровизируя. Платон предполагал, что это новое, научно спроектированное общество будет не только осуществлять принципы справедливости, но и обеспечивать социальную стабильность и внутреннюю